

Деловой Подольск®

1(32) 2014 год

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА
НП «НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В ПОДОЛЬСКЕ «ДОМ УЧЁНЫХ»
ПОДОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

**САМЫЙ
ИЗВЕСТНЫЙ
В МИРЕ
ХУДОЖНИК
ИЗ ПОДОЛЬСКА...**

стр. 28

**КУДА
ПАДАЕТ
РУБЛЬ**

стр. 2

**«АДЬЮТАНТАМ»
ГЛАВЫ
ГОРОДА
ПОДОЛЬСКА
ПОСВЯЩАЕТСЯ...**

стр. 6

**ХИМИЯ
«БИОХИМИИ
ПРЕДАТЕЛЬСТВА»**

стр. 56

**КУДО – ОСОБОЕ
ОТНОШЕНИЕ
К ЖИЗНИ**

стр. 50

САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ В МИРЕ ХУДОЖНИК ИЗ ПОДОЛЬСКА

О работах Леонида Эфроса писали взахлеб отечественные и зарубежные искусствоведы. Их можно понять. Ведь кисти художника принадлежат портреты Федерико Феллини, выдающегося скрипача и дирижера Иегуди Менухина, терцогини Александры Аберкорн, в генеологическом древе которой переплелись ветви императора Николая I и Александра Сергеевича Пушкина. Эфросу позировали Ее Величество королева Англии Елизавета II, Ее Величество Королева-Мать Елизавета, принцесса Анна и другие члены королевской семьи, чьи портреты сегодня хранятся в Букингемском дворце и галерее Глория Хауз в Лондоне, король Норвегии Харольд V и ее Величество королева Соня.

Ее Величество Королева Елизавета II, Королева Великобритании.
Портретный сеанс в Желтой гостиной Букингемского дворца. Лондон, 1992

НЕ ПОЗВОЛЯТЬ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Детство и юность художника прошли на берегах Пахры, в Подольске.

Мама Леонида работала начальником отдела кадров Минуглепрома, отец - инженером-литейщиком на Подольском механическом заводе имени Калинина. В сорок первом он входил в группу специалистов, которой поручалось взорвать завод, если немцы возьмут город. После войны родители поженились, и муж настоял на том, что жить они будут в Подольске.

Будущий художник появился на свет в Москве, в Сокольниках, куда

за два месяца до родов приехала его мать. Этот факт своей биографии Леонид считает принципиально важным, поскольку для личности творческой небезразлично, где она появляется на свет. К тому же через двадцать семь лет, в том же роддоме жена Леонида Эфроса подарит ему дочь.

Ну что же, Сокольники, безусловно, место приятное. Здесь любил работать Левитан. Отец Эфроса родом из Белоруссии, из тех мест, где родился Марк Шагал. Этот факт Леониду тоже приятен.

Пареньку исполнилось восемь

лет, когда на городской выставке появился первый его рисунок тушью: заснеженная горка и играющие на ней дети.

- Зимой, - улыбается Эфрос, - вечер наступает рано. Он же не понимает, что делает. Раздается звонок в дверь. Папа открывает. Появляется жгучий брюнет, как потом выясняется, смесь грека с украинкой, и торжественно произносит: «Я пришел познакомиться с художником Леонидом Эфросом».

Это был поэт Владимир Волчков. С того зимнего вечера и началась наша дружба, которой не мешала

десятая разница в годах. Волчков привел меня в клуб поэтов. Состояние, в котором я пребывал, можно охарактеризовать одним только словом: потрясение!

Владимир познакомил меня с творчеством Уолта Уитмена. Позже, заканчивая полиграфический институт, я сделаю дипломную работу, графически оформив книгу Уитмена «Листья травы». «Лавку древностей» Диккенса и «Подросток» Достоевского я прочитал также с подачи Волчкова.

Разговоры о писателях, об их книгах, рассуждения о поэзии были в общем-то частью среды, в которой формировалось мое мировоззрение. Большое влияние на него оказала и единственная в то время в Подольске изостудия, располагавшаяся в старом двухэтажном здании.

Знакомая отца, увидев рисунки мальчика, решительно заявила: «Его надо непременно отвести к Владимиру Павловичу.»

И вот я предстал перед Владимиром Павловичем, - вспоминает Эфрос. - Посмотрел Бобров мои работы и говорит: «Талант есть, но надо поставить на рельсы».

- Вы учились в те времена только у Боброва?

- Нет, очень скоро стал заниматься в московской художественной школе, плюс к этому посещал подольские студии Ивана Андреевича Алдошина, Виктора Алексеевича Лашина, клуб имени Карла Маркса, где состоялась первая выставка моих детских рисунков, художественную школу, где тогда директорствовал Николай Никитович Фетисов.

Мне нравилось брать этюдник и идти вдоль Пахры в поисках пейзажа. Нравилось переправляться на ходившем тогда пароме к любимым подольчанам курганам. Тогда еще не было коттеджей, испортивших ландшафт.

Очень любил старый город, купеческие особняки, деревянные домики у реки. Это был свой таинственный и загадочный мир. Первый пейзаж маслом я написал у старого моста через Пахру с прекрасной и уничтоженной, к сожалению, аркой.

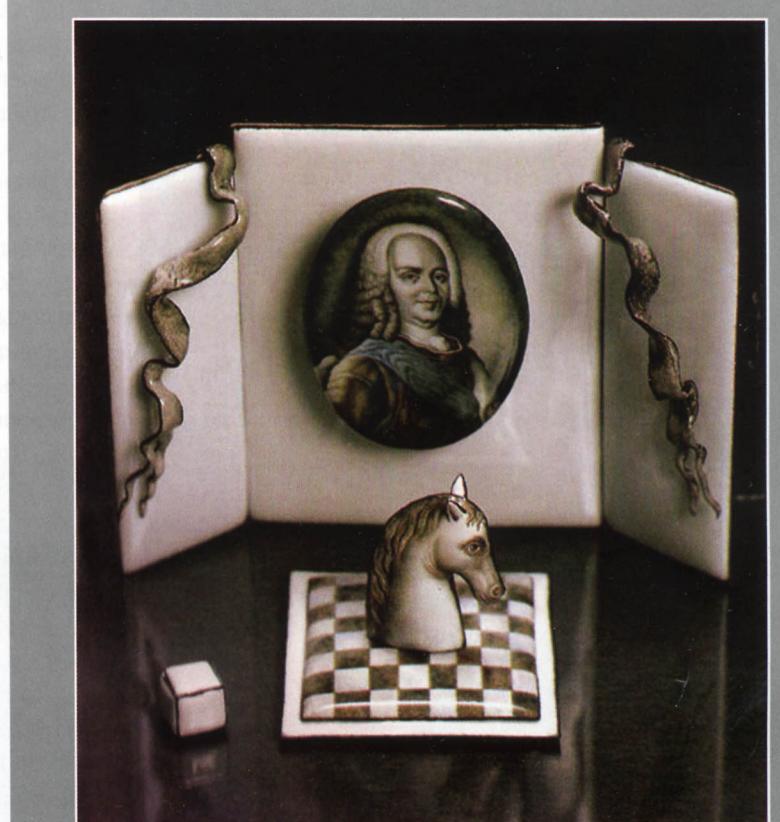
Лучше всего в молодые годы у меня получались натюрморты. Перед маслом я, честно говоря, робел. Любил акварель. Прозрачная, деликатная, чуткая, интимная техника. К сожалению, о тех работах остались одни воспоминания. Почти все, сделанное в первые тридцать лет, уничтожил, сжег.

- Но почему?

- Обычная для художника история. Не оказалось рядом умных и опытных людей, способных отобрать лучшее и ценное. В принципе, если каждый художник будет оставлять после себя самое лучшее, пользы для искусства будет

Румянцев, Хосе де Рибас, Безбородко. Эмаль живописная, металл. Частное собрание.

Лошадь для фельдмаршала. Декоративная композиция.
Эмаль живописная, металл.
Загорский историко-художественный музей-заповедник.

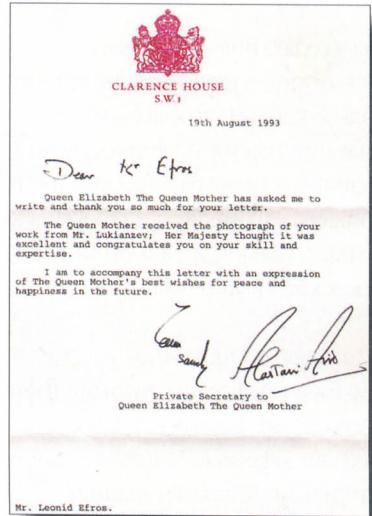
Портрет Её Величества Королевы Елизаветы II, Королевы Великобритании на Троне. Холст, масло. 66x32,37 см. Лондон, 1992-1993

Портрет Принцессы Майкл Кентской.
Холст, масло. 65x48 см. Лондон, 1992

Портрет Принцессы Майкл Кентской на тёмном фоне.
Холст, масло. 65x48 см. Лондон, 1992

Письмо из секретариата королевы от 19.08.93 из Кларенс Хаус

куда больше.

- Можете говорить что угодно, все равно не поверю, будто уничтоженных работ вам не жаль.

- Конечно, жалею. Особенно о натюрмортах.

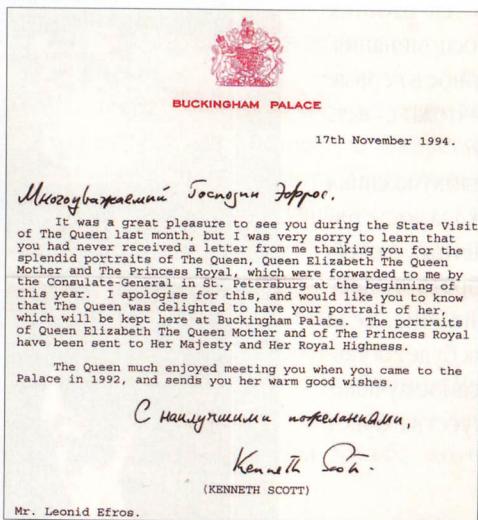
- Вы учились в Полиграфическом институте на кафедре Андрея Гончарова, ученика Фаворского. Заочно.

- В принципе, я не был ничьим учеником. Ученик гения изначально не будет первым. Он может, конечно, взять все мыслимые и немыслимые премии, но вершин учителя не достигнет никогда. Но дело в том, что полиграфический давал своим студентам европейское образование.

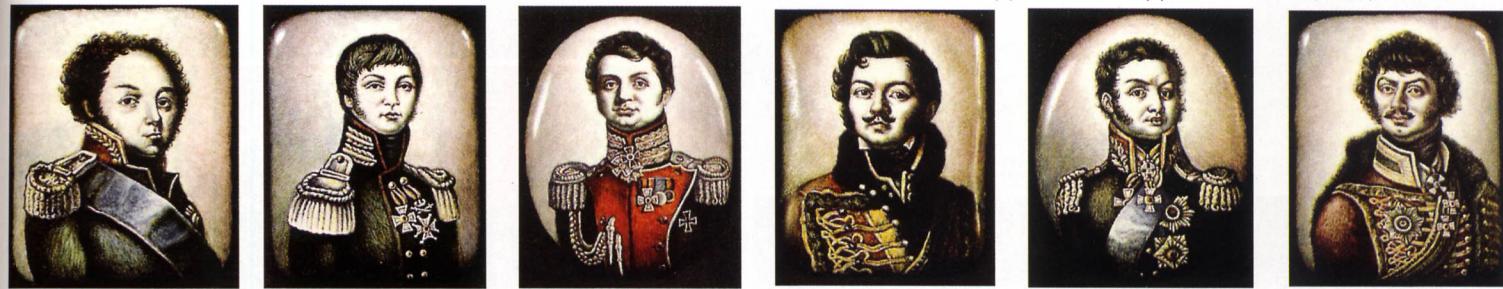
- «Вот искусство, которое умерло, которое все в прошлом. Нежное и уютное, оно как благоухание прежней эпохи». Так в начале XX века писал о портретной миниатюре, выполненной на эмали, знаток западноевропейского и отечественного искусства Николай Врангель.

Первыми в России забытые традиции, искусство финифти, так ведь на Руси называлось эмалевое ремесло, начали возрождать вы и художник Алексей Максимов. Почему все-таки эмаль? И почему увела она вас к невским берегам?

- Такой прозрачности и насыщенности цвета, как в эмали, невозможно получить ни в акварели, ни в масле. Эмаль учит художника со средоточенности, концентрации, воле. Ну посудите сами. За двенадцать часов работы я покрывал поверхность не более спичечной головки.

Письмо секретаря королевы Кеннета Скотта от 17.11.94
из Букингемского дворца

Серия Герои отечественной войны 1812 года. Ростопчин. Фигнер. Храповицкий. Давыдов. Раевский. Сеславин.
Музей-панорама «Бородинская битва» и Государственный Исторический музей, Москва. Эмаль живописная, металл

полагать, признание, слава, деньги?

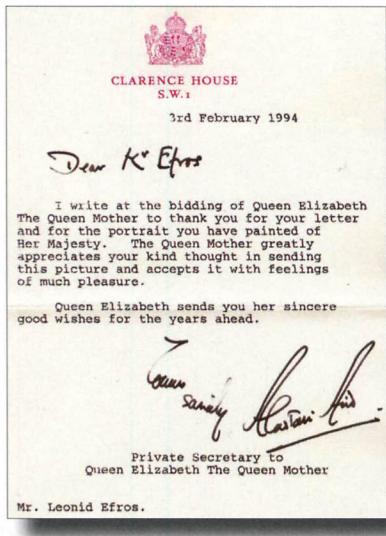
- У Наташи Поповой, чье имя вы только что упомянули, есть в отзыве на мои работы хорошие слова: «Слава, известность - это не звон бубенцов на колпаке у фигляра». Разве дело в славе? Главное - не поддаваться суете, искушению изменить самому себе, своим принципам.

Жили мы с женой в плане материальном очень тяжело. Никто нас «не раскручивал». С деньгами было всегда туговато. Растиль дочь помогали мои родители. Такова классическая жизнь художника. Я проходил ее тем же терренкуром, что и многие до меня.

- Как получилось, что именно вы стали первым русским художником, получившим согласие английской королевы писать ее портрет с натуры?

- Мы с женой были в гостях у замечательной театральной ху-

Письмо из секретариата королевы от 3.02.94 из Кларенс Хаус

Эмаль учит мастерству.

При работе с эмалью весь организм подчиняется ее движению.

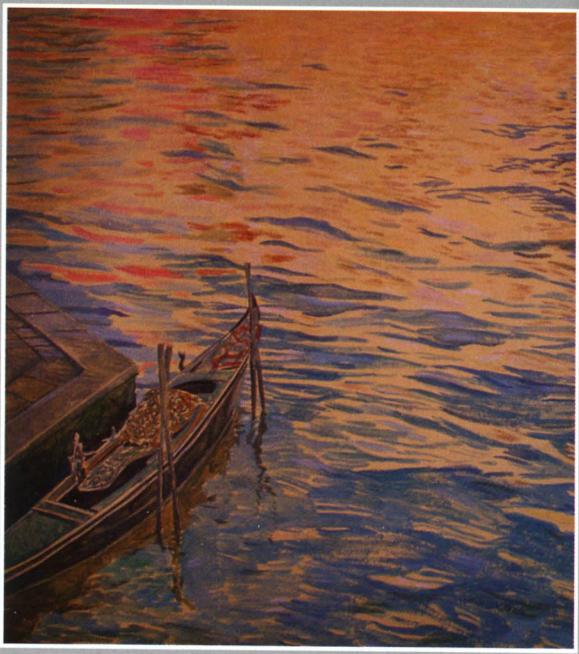
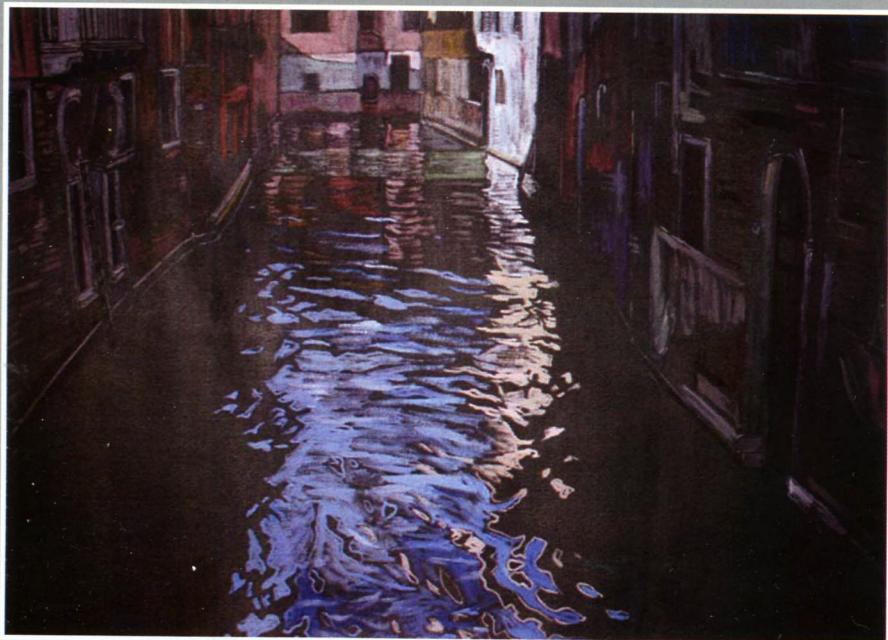
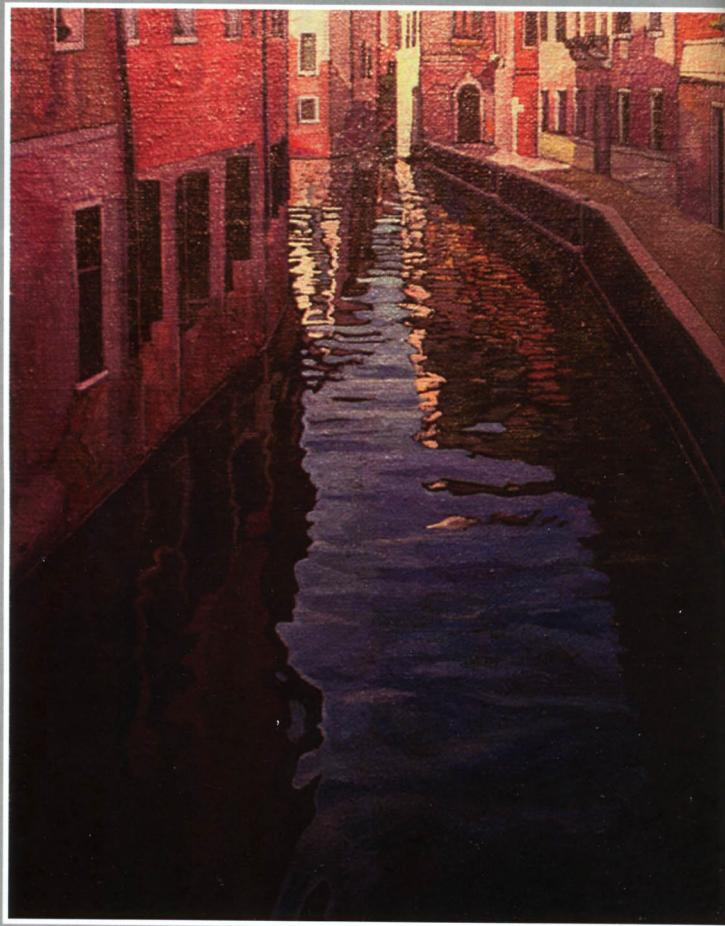
Эмаль пришла в Россию, благодаря Петру I, и наивысшее развитие получила в Петербурге. Вначале я отправился по монастырям. Псково-Печерский, Спасо-Преображенская пустынь под Елгавой. А потом приехал в Петербург, познакомился с талантливой женщиной, замечательным художником. Мы полюбили друг друга. В городе на Неве я прожил пятнадцать счастливых лет.

- Можно говорить о том, что Петербург – город, где вы состоялись как художник? Здесь написан эмалевый портрет Достоевского. Портрет Льва Николаевича Толстого, выполненный в той же технике, приобрел мемориальный музей на Кропоткинской. Вашими работами заинтересовалась Исторический музей, Эрмитаж, Петропавловская крепость, Бородинская панорама, Оружейная палата, Государственные музеи Московского Кремля. Специалисты отмечали в них стремление расширить живописные и пластические возможности традиционной финафти. А кандидат искусствоведения Наталья Попова назвала ваше искусство священнодействием, итогом которого «становится сплав стекла, краски, металла и души художника, скрепленный огнем». В итоге, надо

Портрет Маркиза Александра. Холст, масло. 90x60 см. Лондон, 1992

ИЗ СЕРИИ
«ВЕНЕЦИЯ»

Андреев

дожницы Софьи Юнович. Старая петербургская квартира с видом на Казанский собор. Летний вечер. На столе цветы, точнее роскошный букет цветов. И вдруг, сам не зная почему, говорю: «Мне будет позировать королева Англии».

- Но за этим, скажем так, наитием последовали реальные события. Вас это не удивляет?

- Абсолютно. Я верю в предназначение. Ничего случайного в жизни не бывает, все предопределено свыше. Начнем с того, что в Оружейной палате прошла с громадным успехом первая выставка эмали, на которой были представлены мои и Алексея Максимова работы.

Планируется выставка музеев Кремля в Тауэре. Решают: неплохо, если на ней появятся портреты королевских особ, написанные русскими художниками. Выбор падает на меня и А. Максимова. Везем в Букингемский дворец письмо за подписью директора Государственных музеев Московского Кремля Ирины Александровны Родимцевой. Первое, что слышу в знаменитом Сотбисе: «Художники всего мира хотели бы писать английскую королеву, но это невозможно».

Иду к нашему атташе по культуре Виталию Алексеевичу Лукьянцеву. Он созванивается с директором Тауэра и получает приглашение провести день в музее. Приходим, встречаемся с сэром Джэфри - заведующим отделом королевских сокровищ, вручаем ему письмо королеве с просьбой о встрече.

«Единственное, что я могу для вас сделать, - говорит сэр Джэфри, - передать письмо королевскому секретарю.»

Секретарь соглашается нас принять, но сразу заявляет: «Выполнить вашу просьбу невозможно. Королева очень занята, каждый день Ее Величества расписан по минутам.»

Тогда я говорю: «Выставка сокровищ Московского Кремля будет проходить под патронажем королевы. Вы отказываете нам в просьбе писать ее портрет, вы отказываете Кремлю, но вы отказываете и самой королеве, которая не знает о нашем предложении.»

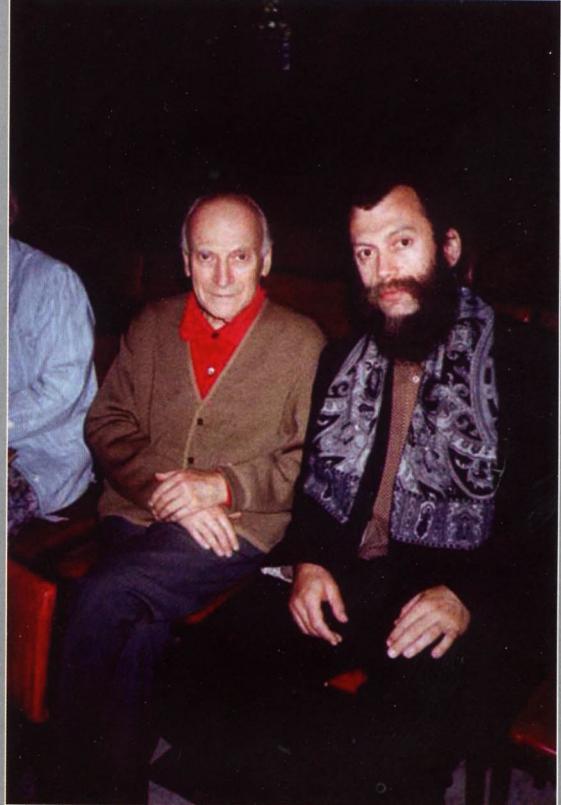
- Хорошо, - улыбается секретарь, - я передам наш разговор Ее Величеству и покажу ей проспект ваших работ.

Через несколько дней нас приглашают во дворец. Королевский секретарь сама любезность: «Королева согласилась позировать.»

- Проходит оговоренный срок, вы снова, с официальными бумагами и, надо полагать, за государственный счет прилетаете в Лондон, предстаете перед очами Елизаветы II. Как это было?

В Риме с Федерико Феллини

С Иегуди Менухиным на репетиции Королевского филармонического оркестра. Лондон, 1992

Художник с герцогиней Александрой Аберкорн

Портрет Ее Величества Королевы Елизаветы, Королевы-Матери. Холст, масло. 91x61 см. Лондон, 1992-1993

Дэвид Олдридж

*По случаю визита Его Королевского Высочества
Принца Гарри
Посол Великобритании Сэр Брайан Фолл и Кэти Фолл
имеют честь пригласить*

*... Леонида Эфроса с супругой
на коктейль
в среду 18 мая с 18.00 до 19.30*

*Юсуповский дворец
Наб. Мойки, 94*

*Просьба ответить
по тел. 119 6036*

- Королева приняла нас в желтой гостиной. Почему-то больше всего нервничал ее секретарь. По протоколу мы должны были остаться с Ее Величеством вдвоем. Но поскольку я не знал тогда английского языка, попросил задержаться нашего атташе и королевского секретаря.

- Сеанс длится достаточно долго и, естественно, он не проходит в молчании. О чем вы говорили?

- Королева оказалась живой, любознательной женщиной. Удивилась, узнав, что художник приехал практически за свой счет.

Первый набросок сделал карандашом. Рисунок Ее Величеству понравился. Она подписала его мне на память, хотя по этикету это вроде бы запрещено. Потом рисовал королеву-матерь. В перерывах между сеансами она показывала свою галерею, а принцесса Анна - дворец.

- Могу себе представить, что творилось в Лондоне вокруг художника, рисующего Ее Величество Елизавету II и членов королевской семьи.

- Шуму действительно хватало. Встречался с князьями и графами, с маркизом Александром, у которого дворец в два раза больше Букингемского. Но приятней были другие встречи. С поэтом Иосифом Бродским, скрипачом Иегуди Менухиным.

- После долгих странствий, после покоренных вершин вы снова оказались Подольске. Можно спросить почему?

- Я мог остаться в Лондоне, но вернулся в Петербург. Люблю этот город, его пригороды, мне там легко дышится. Как говорил Модильяни: «Для здоровья мне лучше в Италии, но жить я могу только в Париже». А мне для здоровья и для жизни замечательно было в Петербурге и в Павловске. Но я потерял дорогого и близкого человека. У Бродского сказано: «Мы, оглядываясь, видим лишь руины...» В Петербурге для меня такие же руины. Слишком многое с этим городом было связано. Приехал в Подольск...

* * *

Закончить рассказ о нашем земляке, художнике с мировым именем хочу одной историей.

Тридцать с лишним лет назад в только что созданный в Музее Востока мемориальный кабинет Николая Рериха вошли два молодых художника.

Один из них, Леонид Эфрос, взялся за портрет Рериха, который должен был стать центральным в задуманной экспозиции.

Через год портрет был готов. Художнику удалось главное - передать выражение глаз Рериха - «окон человеческого духа», как писал Леонид Андреев. Предстояло пропустить портрет через закупочные комиссии, определить его цену и рассчитаться с Эфросом.

Эксперты оценили работу высоко. Цена в денежном выражении была фантастической. Когда документы были готовы и требовалась только подпись - согласие художника, Леонид удивил всех: «Не хочу продавать портрет. Дарю его музею. Я здесь очень много получил. Это не измерить деньгами.» Кстати, за портреты королевских особ Эфрос тоже не взял ни копейки.

Он и сегодня не хочет продавать свои работы, каждая из которых наполнена теплотой, которую художник дарит зрителю.

Юрий Козловский

Во дворце в Норвегии

